

ПАРАМЕТРЫ ОБЩЕСТВА

А.В. Алейников, И.Д. Осипов DOI: 10.7256/1999-2793.2014.12.13272

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ РУССКОГО НАРОДА В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные отечественные социально-философские концепции, формирующие понимание особенностей и факторов конфликтогенности российского общества. Показывается, что исторические парадигмы отечественной социальной мысли – консерватизм, радикализм и либерализм – выдвигали различные объяснения феномена конфликтогенности российского социума на основе изучения его историко-культурных предпосылок и особенностей менталитета россиян. Особый акцент делается на выявлении как общих подходов в русской философии к анализу определению политико-правовых, социокультурных и ментальных предпосылок конфликтогенности и социальных конфликтов российского общества, так и описанию оригинальных концепций моделей конфликтогенности в русской мысли в ее либеральных, консервативных и радикальных проекциях.

Методологически значимым при анализе явились историко-философский и диалектический подходы. Историко-философский метод позволил разобраться в подходах, существующих в истории русской социально-философской мысли, диалектический – открыл возможность рассмотреть конфликтогенность не как устоявшуюся и неизменную данность, а как неоднородную, постоянно развивающуюся составляющую социальной реальности.

В статье выявлены различия аксиологических оснований оценки в отечественной социальной мысли «бесконфликтной природы» или конфликтогенности русского человека и нравственных принципов предотвращения политических конфликтов. В статье указывается, что русские мыслители выдвигали идеи не только о специфике формы и содержания национальной отечественной конфликтности, но и о ментальных особенностях восприятия конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: конфликтогенность, конфликт, Россия, российское общество, русский народ, русская философия, либерализм, консерватизм, радикализм, социализм.

Николай Бердяев в сборнике статей «Судьба России» сформулировал: «подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость»¹.

Сегодня, анализируя «конфликтологические штудии», можно утверждать, что в России сложилась политико-семантическая ситуация превращения понятия «конфликт» в «резиноподобное понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях»². В этом плане мы наблюдаем феномен, когда, широко используя в обыденной речевой практике, понятие утрачивает свое изначальное значение и приобретает противоположные смысловые

оттенки. Современный российский исследователь В.А. Семенов приходит к выводу: «теории конфликта на сегодняшний день представляют собой определенную смесь разнообразных взглядов, гипотез, типологий, попыток концептуализации предмета исследования (в большей или меньшей степени удачных), обобщений результатов эмпирических исследований и ряда более или менее удачных попыток моделирования данного феномена»³.

Исследование российских кейсов конфликтов зачастую ограничивается спекулятивным анализом «элитных интриг, клановых раскладов и иностранных интересов»⁴. Подобное редуцирование

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2010. С. 13.

² Нечипоренко Л.А. Буржуазная социология конфликта. М.: Политиздат, 1982. С. 38-39.

³ Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2011. С. 21-22.

⁴ Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 196.

не позволяет выявить такую специфику российского конфликтного взаимодействия, как отсутствие социальной динамики в движении от «токсичных» видов социальных конфликтов, не поддающихся институционализации и несущих угрозу существованию общества, в сторону по преимуществу «позитивных», не приводящих к разрушению социума, механизмов неконфликтных изменений и конфликтов, поддающихся институционализации.

В глобальном индексе миролюбия – Global Peace Index, который определяется агрегированием 23 показателей, объединённых в три основные группы: наличие и масштабы внутренних и международных конфликтов, в которых участвует государство; уровень стабильности и безопасности внутри государства; уровень милитаризации государства и оценивается по шкале от 1 (максимальное миролюбие) до 5 (минимальное миролюбие), Россия занимает 153 место из 158 между Корейской Народно-Демократической Республикой и Демократической Республикой Конго⁵.

В сравнительном исследовании ценностей, проводимом В. Магуном и М. Рудневым по методике Ш. Шварца, было показано, что по параметрам «благожелательность» и «универсализм» (приятие чужого) Россия среди европейских стран стоит на одном из последних мест и принадлежит к числу европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по большинству базовых ценностей⁶. В исследованиях нравственного состояния общества Институтом психологии РАН зафиксирована динамика нарастания таких негативных параметров, как агрессивность (температура прироста за период с 1981/2011 гг. – 3,94), конфликтность – 3,2, напряженность – 3,64⁷.

Конфликтная парадигма социальной мысли основана на неприятии интерпретации конфликтов как психологически обусловленных явлений, как индивидуальных ошибочных действий или

даже «болезни». Г. Зиммель писал, что «все проблематичные явления заставляют нас лучше осознать то обстоятельство, сколь невообразимо противоречиво наше настоящее... Одни только филистеры могут полагать, что конфликты и проблемы существуют для того, чтобы быть разрешенными. И те, и другие имеют в обиходе и истории жизни еще другие задачи, выполняемые ими независимо от своего собственного разрешения. И ни один конфликт не существовал напрасно, если время не разрешит его, а заменит его по форме и содержанию другим»⁸.

Между тем, табуирование зиммелевской «неизбежности конфликта между текущей вперед, распространяющейся со все большей энергией жизни и застывшими в тождестве формами ее исторического выражения» рельефно артикулируется экспертами «Валдайского клуба», на площадке которого выступают первые лица страны. Их видение России исходит из аксиомы (!!!) признания приоритета созидания перед конфликтом – «конфликт как двигатель развития в нашей стране себя исчерпал»⁹.

По мнению Н.А. Нарочницкой, уникальная универсальность российской нравственной, политической и экономической парадигмы, качественно различающейся от западных, институциональных и ценностно-нормативных характеристик, состоит в идее смирения – смиренный человек не возражает, не конфликтует, не спорит, не оправдывается, все принимает, как будто так оно и есть, в стремлении решать конфликты на основе внутреннего убеждения (веление совести) или передавать их урегулирование верховной власти как власти от Бога¹⁰. Другой известный политолог и историк – В.А. Никонов, чьи подходы в целом близки к концептуальным конструкциям Н.А. Нарочницкой, в исследовании «Российская матрица», тем не менее показывает, что цивилизационный, культурный генетический код, закладывающий основу общей российской матрицы, включает и такой параметр,

⁵ Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. № 1.

⁶ Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1; Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. 2011 № 4.

⁷ Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: ИП РАН, 2013.

⁸ Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 330.

⁹ Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Национальная идентичность и будущее России. Москва, февраль 2014. (URL: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf (дата обращения: 16.05.2014)).

¹⁰ Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2013.

как конфликтогенность русского характера, в котором, например, противоречиво сочетаются выносливость, широта души и неспособность к упорному и систематическому труду¹¹.

Отметим, что создание специфического политического дискурса стабильности, то есть незыблемого социального порядка некоторыми политиками и политологами, конструирующими «бесконфликтный русский мир», рассматривающими конфликты исключительно как источник и угрозу нарушения созданного социального порядка, отнюдь не безобидно, ибо элиминирует конфликт как механизм поиска альтернатив и вариантов развития. Стратегический управленческий подход строится на других основаниях.

Вот цитата из выступления Президента РФ на встрече с представителями непарламентских партий 20 ноября 2013 г.: «Конфликты всегда есть. Понимаете, конфликта нет только на кладбище, там все тихо и спокойно. Поэтому это нормальное явление, когда есть конфликт. Вопрос в том, чтобы найти цивилизованные инструменты решения конфликта и выходить из конфликта, укрепляя общество и государство, а не разрушая его»¹².

Таким образом, исследование подходов русской социальной мысли к историческим, социальным, национальным, политическим особенностям протекания российских конфликтов становится сегодня одним из наиболее серьезных вызовов для аналитиков. Настоящая работа нацелена на рассмотрение вклада отечественной философии в теоретический анализ тесной зависимости специфики национальной конфликтности социума от его исторических и культурных традиций, что позволит в определенной мере заполнить существующие лакуны в данной предметной области.

Понятие конфликтогенность имеет широкий смысл и характеризует различные состояния общества: наличие классовых, религиозных и межнациональных конфликтов, состояние гражданской войны и революции. В конфликтогенности выделяются субъективные-эмоциональные, волевые, рациональные и иррациональные черты характера людей, способствующие возникновению

конфликтов, а также объективные предпосылки социальных конфликтов-экономические, политико-правовые, идеологические и др. Особую остроту тема революции, классовой борьбы получила в России в эпоху модернизации XIX – начала XX вв., которая сопровождалась многими социальными конфликтами. Они и стали предметом исследований ученых, представлявших главные направления общественной мысли: консерватизма, радикализма и либерализма.

Консерватизм

Отечественный консерватизм, генезис которого относится к 40-м гг. XIX в., имеет следующие основные концепции: славянофильство, монархизм, евразийство. Раннее славянофильство представлено именами А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина. Главное понятие социальной философии славянофильства – соборность. Оно включает три ценности: православную веру, личную свободу и любовь, которая свободно объединяет верующих людей в Церкви. Православная церковь, согласно Хомякову, органично сочетая свободу и единство, отличается от католической и протестантской церквей. В католической церкви существует единство без свободы, а в протестантизме – свобода без единства, и только в православии принцип соборности, хотя и не осуществлен во всей полноте, но осознан как высшая Божественная основа жизнедеятельности. Состояние соборности подразумевает «оцерковление» социальной жизни, христианизацию общества. Социальным аналогом соборности выступает община, предохраняющая от проявления человеческого эгоизма, а также органическое государство, построенное на духовных началах. Следуя этому положению, личность и общество находятся во внутренней гармонии и сохраняют относительную независимость друг от друга. Духовное единство православных противостоит эгоизму либерального правового государства и мнимому социальному единству социализма, так как соборность признает единство не принудительное, а основанное на свободе индивида.

Славянофилы доказывали принципиальную бесконфликтность общества и государства в России. Для И.В. Киреевского русское государство основано на «общем взаимном согласии всей русской земли». Естественные простые и единодушные отношения и законы, выражающие эти отноше-

¹¹ Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014.

¹² Путин В. Встреча с представителями непарламентских партий // Президент России. Официальный сайт. 20 ноября 2013 г. (URL: <http://www.kremlin.ru/news/19659> (дата обращения: 14.07.2014)).

ния, вытекали из двух источников – «бытового предания и их внутреннего убеждения»¹³. К.С. Аксаков писал: «Наше знамя – *русская народность*: Народность вообще – символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих попираемого теми же самыми, которые стоят и ратуют за право личности, не возводя своих понятий до сознания личности народной. Народность русская, как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения общечеловеческой истины»¹⁴. Общество, по его мнению, служит не только сознательному выражению народных начал, но и внутренней целостности народного организма. И.В. Киреевский доказывал, что общественный быт Европы «почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных и, наконец, из тех случайных условий, которым наружно кончались споры враждующих, несоизмеримых сил»¹⁵. В Европе вся история являет собой противостояние частных сил, партий, даже метафизических. Поэтому развития европейских государств совершалось путем революций.

В России, согласно Киреевскому «образование общественных и государственных отношений совершалось без всяких насильственных нововведений, единственно вследствие внутреннего устройства нравственных понятий»¹⁶. История России отличается тем, что русское государство формировалось мирным путём, для него характерны не вражда, как это было у других народов вследствие завоеваний, а мир вследствие добровольного призвания. Свободное согласие было, согласно славянофилам, и в основе отношений властвующих и подвластных в России. В условиях самодержавия они соединялись нравственным убеждением, а не формальной юридической нормой. Концепция не политичности русского человека славянофилов исходила из того, что в русском обществе существовало единство верховной власти и земства-народа при разделении их прерогатив: народу – пра-

во высказывать мнения, а власти – обязанность заботиться о благе народа. Мешала этому единству появившаяся с эпохи Петра Великого разветвленная и многоступенчатая бюрократия. Поэтому для предотвращения конфликтов в обществе необходимо было лишить чиновников возможности быть посредниками между верховной властью и народом и создать условия для того, чтобы общество свободно высказывало своё мнение власти. Славянофилы считали, что и борьба за права человека приводит к разногласиям, её альтернативной должно быть решение социальных проблем на основе консенсуса. При этом они решительно выступали за отмену крепостного права, и приняли в ней самое активное участие.

Ф.М. Достоевский поддерживал концепцию соборности славянофилов, но при этом не был согласен с тем, что у русского человека бесконфликтная природа. По его мнению, эта природа внутренне противоречива. С одной стороны в ней есть место добру и отзывчивости к другим народам. «В русском человеке нет европейской угловатости. Он со всеми уживается и во всё вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы... Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее, находит им место в своём умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, – в идеях, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор, к несчастью не находят способа примириться между собою, а может быть, и никогда не примирятся»¹⁷. К русской идее относится по Достоевскому и то, что простой народ жалостлив, он осуждает грех, но не самого человека и называет преступление несчастьем, а преступников несчастными. И поэтому даже закоренелые преступники не исключаются из общества, им дается шанс на исправление.

Вместе с тем, Достоевский полагал, что в русском народе скрывается и способность к бунту. «Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником – стоит только ему попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения,

¹³ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 280.

¹⁴ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 254.

¹⁵ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 258.

¹⁶ Там же. С. 276.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Политическое завещание. Сборник статей за 1861-1881. М.: Алгоритм, 2006. С. 38.

так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни»¹⁸. Причина этого заключена в невыработанности русского характера и формы поведения, так как русский народ молодой. Кроме того, русские слишком богаты и многосторонне одарены, чтобы, «скоро приискать себе приличную форму», и русская широта характера становится опасной при выборе между добром и злом. Особенности сознания радикальной интеллигенции рассматриваются Достоевским в романах «Бесы» и «Преступление и наказание» и называются в этой связи атеизм, рационализм и нигилизм.

Для монархиста Л.А. Тихомирова общественная ситуация начала XX в. была крайне опасной для России. В работе «Монархическая государственность» он пишет о том, что Смута затронула устои российского государства. Выходом из этого конфликта является возвращение к нравственным принципам строительства государственности. По его мнению, предрасположенность все явления жизни подчинять этике характеризует русского человека. «Простую нравственную «дисциплину», «дрессировку», которую столь искренне ценят другие народы, он не уважает и доходит до современной деморализации именно потому, что в существе своей души он «этичен», хочет непременно истинного чувства, и если его не находит, то отворачивается от всяких утилитарных подделок»¹⁹. Поэтому русский по складу своей души может быть только монархистом или анархистом. Выступая за единство верховной власти, Тихомиров был принципиальным противником западной политической демократии, разделения власти, поскольку они ослабляли власть. Сильное монархическое государство признавалось необходимой опорой социальной стабильности и нравственного воспитания народа.

Евразиец Н.Н. Алексеев полагает, что конфликтность русского человека определена объективными особенностями формирования русского государства: с одной стороны в ней действуют силы, организующие государство, а с другой представлены анархия, «русская вольница». Алексеев это объясняет результатом политики колонизации в России, «борьбой с Азией, приспособлением к Азии и ассимиляцией Азии». Она способствовала

созданию в России военного государства для борьбы с анархической вольницей. При этом обширность территории России позволяла населению, несогласному с политикой государства, уходить на границы империи и создавать там маргинальные группы, воюющие с государством. К ним относилось казачество, которое участвовало во всех русских смутах. Своеобразием русской истории является согласно Алексееву то, что Смута не была попыткой организации вольницы в пределах государственного порядка, но представляла собой вечный выход её из государства в дикое поле и темные леса. И такой смутой была революция 1917 г., где возобладали идеи вольницы, диктатуры, социального устройства земли на началах коммунизма. Возобладало то, что содержалось в идеологии казачества, сектантского земного рая, а принесенный в Россию западный марксизм нашел широкое распространение потому, что соответствовал глубоким народным верованиям. Согласно Алексееву: «Будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде»²⁰.

Таким образом, в российском консерватизме специфика конфликтности российского общества получила глубокое объяснение на основе изучения как историко-культурных предпосылок данного феномена, так и особенностей менталитета россиян. В ходе анализа отмечались социальные группы, которые способствовали усилению конфликтности (интеллигенция и бюрократия). В числе важных предпосылок конфликтности российского общества назывались и ошибки верховной власти. Консерваторы также указывали на опасные для сохранения стабильности государства идеологические течения (атеизм, либерализм, нигилизм) и предлагали власти проводить необходимые реформы для предотвращения социальных конфликтов. Вместе с тем не все консерваторы исходили из подобной логики. Так К.Н. Леонтьев и К.П. Победоносцев выступали за контрреформы, за необходимость сохранения сословного общества с традиционной культурой, за укрепление роли Церкви в обществе и за решительную борьбу с оппозицией.

¹⁸ Там же. С. 108.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: ГПП им. Ивана Федорова, 1992. С. 406.

²⁰ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 116.

Радикализм

Принципиально иным образом относился к социальным конфликтам в России радикализм: если консерватизм исходил из необходимости предотвращения социальных конфликтов и борьбы с разрушительными силами в обществе, то радикализм, который был представлен народничеством и марксизмом, был последовательным революционеризмом. От А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского до М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева и В.И. Ленина можно увидеть последовательный переход от философско-исторического понимания революции, как естественной стороны диалектики истории к понятию насилия как средства создания социально-справедливого общества. В рамках этого понимания и террор мог быть оправдан как меньшее по масштабам зло, применяемое для исправления общества.

А.И. Герцен, с именем которого связано философско-теоретическое обоснование «русского» крестьянского социализма. Опираясь на диалектику Гегеля, которую Герцен назвал «алгеброй революции», он доказывал неизбежность и благотворность социальной революции, в ходе которой должно было произойти обновление общества и восстановление нарушенного единства бытия и мышления. Герцен сравнивал революционное выступление стихийных народных масс с природными катаклизмами, поскольку в обоих случаях события были неизбежны и непредсказуемы по своим последствиям. Исторический прогресс, по его мнению, подчиняется принципу полярности двух начал: сначала небольшая часть общества становится в исключительное положение, образуя монополию, а потом массы стремятся поглотить «выгородивших себя», уничтожить эту монополию. Социальная революция способствует освобождению от «одного рабства после другого, пока не наступит полное соответствие разума и деятельности». Герцен исследовал диалектику общего и особенного, национального и общечеловеческого в процессах перехода к социализму. Исторический прогресс, по его мнению, разнообразен, поскольку народы, как и люди, развиваются «в разные стороны» и по-своему участвуют в создании мировой цивилизации. Поэтому возникающие тупики всеобщей истории имеют временный характер и могут быть преодолены теми народами, которые сохранили свои жизненные силы. Россия, которую он относил к «молодым народам», способна вывести

европейскую культуру из тупика социального развития, идти вместе с западными странами к одной цели, но разными путями.

Социалистичность как характерная черта жизни и психологии русского крестьянина виделась мыслителем в уникальности существующей сельской общины, городской артели и самобытной воинской организации казачества. Сохранение в русской крестьянской общине коллективного землепользования, права каждого работника на землю как на орудие своего труда и мирского самоуправления, как полагал Герцен, выгодно отличало Россию от Западной Европы, где существовали частная собственность и римское право. Именно это преимущество позволило соединить русский народный быт и западную социалистическую идею. Отсюда следовал вывод о возможности для России длительного, растянутого на десятилетия, процесса некапиталистического развития на основе соединения традиционных коллективистских институтов со свободой личности. Он считал, что в русском народе заложены способности к политическому самоуправлению, и предлагал распространить «сельское и волостное самоуправление на города, на государство в целом». Огромным преимуществом России, по его мнению, было то, что бюрократическая по своей природе монархия не имела социальных корней и противостояла в лице своих чиновников самоуправляющемуся народу. Таким образом, государство оказывалось формой, доступной для использования разными социальными группами. «Государство не имеет собственного определенного содержания, – отмечал Герцен, – оно служит одинаково реакции и революции – тому, с чьей стороны сила; это сочетание колёс около общей оси; их удобно направлять, туда или сюда, потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру»²¹.

Основателем русского анархизма был М.А. Бакунин. Три основных принципа, по его мнению, составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории как индивидуального, так и коллективного. 1) *Человеческая животность*, 2) *мысль* и 3) *бунт*. Первому соответствует собственно *социальная и частная экономия*; второму – *наука*; третьему – *свобода*. Бакунин искал смысл социально-исторического прогресса в объективных законах жизни индивида и общества, ставя в

²¹ Герцен А.И. Избранные философские произведения. В 2-х тт. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 298.

зависимость от их познания реализацию человеком своей свободы, состоящей, по его мнению, в том, что он эти законы познает и добровольно им повинует. Во взаимной опосредованности личной свободы и коллективного начала проявлялось, по Бакунину, действие «инстинкта солидарности». Бакунизм отличался своей верой в существование «социалистического инстинкта» в крестьянстве. К положительным чертам «народного идеала» Бакунин относил: убеждение, что вся земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает; общинное право на землю; противогосударственность. Он указывал и на отрицательные стороны народного идеала, такие, как патриархальность, «поглощение лица миром», вера в царя, вера в Бога. Бакунин был уверен, что русский народ ввиду своего нищенского и угнетенного положения всегда обладает способностью к осуществлению революции, а бунтарские инстинкты вообще присущи русскому человеку. Исходя из опыта крестьянских выступлений во времена Смуты, восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева, Бакунин предлагал организовать немедленный бунт крестьян, разночинной интеллигенции и фабричных рабочих против самодержавия. Отсутствие в России среднего класса облегчит, как он считал, совершение социальной революции. Задача революционеров, по его мнению, состоит в осуществлении «бунтовской связи» между общинами и организации повсеместного стихийного вооруженного выступления против местной и государственной власти. «Другой путь боевой бунтовской. В него мы верим и только от него ждем спасения»²², – писал он.

Идеологией радикализма является марксизм. Впервые в России узнали о марксизме в начале 40-х гг. XIX в., а в пореформенную эпоху марксизм стал известен широкому кругу либеральной и народнической интеллигенции. Основоположником русского марксизма был Г.В. Плеханов, а в начале XX в. концепцию марксизма развивали В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, А.А. Богданов. Спецификой социальной философии марксизма в России был классовый анализ, который исходил из неизбежности классовой борьбы и последующей мировой революции. Россия в этом контексте рассматривалась как слабое звено системы капитализма. В основе понимания конфликтности русским марксизмом общим было убеждение в том, что

пролетариат является силой, с которой связана социалистическая революция. Вместе в оценке конкретной революционной ситуации в России были и расхождения. Так Г.В. Плеханов считал, что Россия должна экономически и культурно созреть для совершения социалистической революции. Ближайшей задачей социал-демократов, по его мнению, является деятельность рабочей партии в рамках буржуазного государства, просвещение рабочих и их организационная подготовка к грядущей революции. Другая была точка зрения В.И. Ленина, он полагал, что Россия, являясь слабым звеном в цепи капиталистических стран, может первой начать мировую коммунистическую революцию, к которой в последующем присоединятся развитые капиталистические страны. Исходя из этого, Лениным формулировались и некоторые положения доктрины непрерывной, революции, предполагающей продолжение буржуазной революции за её пределы-до совершения задач пролетарской революции. Данная стратегия, сформулированная в работах «Империализм как высшая стадия развития капитализма», «Государство и революция», исходила из наличия в России конфликта между пролетариатом и верховной властью, когда «низы не хотят подчиняться и верхи не могут управлять по-старому». Марксизм в российском обществе находил сумму феодальных сословных конфликтов и классовых конфликтов буржуазного общества, что усиливало конфликтность.

В контексте конфликтологии радикализма определённый интерес вызывают исследования Ю. Делевского-Якова Лазаревича Юделевского. В 1908-1909 гг. он издавал в Париже газету «Революционную мысль», где ставил задачи развития теории и практики активного действия революционного меньшинства, пересмотр теоретического мирозерцания, перевоспитание и реорганизация партии. В 1910 г. он выпустил книгу «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории», которая была написана в контексте научной конфликтологии. В ней он раскрывал широкий исторический фон формирования конфликтов, проводя их конкретную и всестороннюю историческую типологизацию по числу участников, характеру, форме и содержанию, выделял внутрigrупповые, межгрупповые, классовые, религиозные, гендерные, национальные и иные конфликты, а также конфликт между обществом и природой. Конфликты, согласно Ю. Делевскому, могут быть не только антагонистичны, но и отражать некоторое

²² Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 520.

внутреннее единство отношений, то есть приобретать характер закономерных противоречий, обусловленных формированием новых ценностей и отношений. В конфликте необходимо видеть отражение диалектики бытия и социальных процессов, проявление некоторых существенных тенденций прогрессивного и противоречивого развития общества.

Либерализм

Идейной и практической альтернативой концепциям консерватизма и радикализма в России был либерализм. В либерализме выделяются: дореформенный – западничество, пореформенный – концепции Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского и либерализм начала XX в. Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.Б. Струве. Основные ценности либерализма включали принцип защиты прав и свобод личности, частной собственности, концепция правового демократического государства, конституционализма и рыночной экономики. В понимании конфликтности либерализм исходил из необходимости предотвращения политических конфликтов на основе политической демократии, правовых механизмов, разделения властей, допуская при этом начало соперничества, конкуренции в экономике. В борьбе революционным левых и консерватизмом правых либералы зачастую стремились «стоять над схваткой».

В рамках единой парадигмы либерализма существовали теории «мужицкого царства» К. Кавелина, «правовой монархии» Б. Чичерина, «Великой России» П. Струве, социального либерализма Б.А. Кистяковского. Теоретики русского либерализма претендовали на создание идеала, связанного с глубинными тенденциями развития общества и являвшегося альтернативой консерватизму и радикализму. Для этого следовало, по их мнению, изучить общество в реальности всех его отношений, а общественный идеал понять как закономерный и специфический продукт духовной деятельности личности, опосредованный достигнутым уровнем развития материальной и духовной культуры. Тем самым объективные социально-исторические формы бытия идеала и его религиозные, нравственные и субъективные предпосылки получали гносеологическое обоснование. Реализация идеала происходит в процессе внутреннего, духовного преобразования личности и совершенствования

государственных учреждений. Внутренняя связь высших целей и практических средств объективируется в ходе исторического прогресса и проявляется в творческой деятельности личности и его правах. К последним относились: право на свободу мысли в политике и культуре, право собраний и объединений в общественные и политические организации, право собственности и принцип неприкосновенности личности. Русские либералы отстаивали право человека на выбор тех или иных форм государственной жизни и политического устройства. Этизация общественного идеала отражала антиабсолютистские идеи либерализма и ставила целью защиту личной жизни человека от посягательств на нее со стороны государства и чиновно-бюрократической регламентации. Своеобразие либерализма выразилось в политическом идеале, интегрирующем «патриархально-отеческую» модель отношений между властью и подданными с принципами правового государства. Либералы призывали к примирению начал власти и закона с началами свободы, ссылаясь на традиции особых отношений между монархом и народом в истории русского государства и на прогрессивную роль монархии в преобразованиях русского общества. «С этой точки зрения следует твердо стоять на том, что основное начало всей частной деятельности есть свобода. Государству здесь принадлежит только охранение общего для всех права»²³. Властители и подданные должны были пойти на взаимные уступки. Государство, руководствуясь принципом «либеральные меры и сильная власть», разрешить обществу выражать своё мнение и иметь политические партии, тем самым добровольно ограничив свою власть. А «общество» должно было осознать свою ответственность перед страной, терпеливо и настойчиво добиваться необходимых реформ. Нравственное оправдание власти требовало от личности понимания своего долга перед государством и предполагало воспитание политического разума у индивида-гражданина своего отечества. «Сводя полученные нами начала к краткой формуле, общественный идеал можно определить как *принцип свободного универсализма*. В этом понятии сразу выражается и равенство, и свобода лиц, и всеобщность их объединения, поскольку всё это сочетается в идее свободной солидарности

²³ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 236.

всех», – писал П.И. Новгородцев²⁴. На разных этапах российской истории либерализм пытался открыть законы эволюционного развития общества, желая подчинить социально-политическому контролю стихийные общественные процессы. В идейно-политической борьбе с консервативными и радикальными силами либералы искали «золотую середину» в решении социальных проблем, исходя из конструктивного, мирного решения общественных конфликтов. По этой же причине казался неприемлемым революционный путь общественного развития, чреватый непредсказуемостью социальных последствий. «Чисто эволюционные процессы и органические эпохи предполагают известное равновесие наличных социальных сил, кризисы и критические эпохи знаменуют собой нарушение прежних равновесий, то есть составляют нечто вроде того, чем является гроза или буря в атмосфере и болезнь в организме»²⁵, – писал Н.И. Кареев. По его мнению, революции, решая некоторые социальные проблемы, приводят к борьбе за власть различных партий и групп, хаосу и гражданской войне. Не отрицание и разрушение государства, а его совершенствование – таково было кредо либерализма. Вера в «эволюцию сверху» подкреплялась прошлым историческим опытом: реформами Петра I, Екатерины II и отменой крепостного права, проведенной Александром II. Социально-экономическая программа либерализма отличалась своей обращенностью к посюсторонней истории и предусматривала меры по переходу к свободной от феодальных пережитков капиталистической экономике, развитию торговли, обмена и город-

ской промышленности. Отмена крепостного права должна была постепенно преобразовать сословное общество в гражданское, социальной опорой которого были бы средние слои, образующиеся из личных дворян, купцов и разбогатевших крестьян. В рамках либерального движения родились идеи конституционализма, земства и культурничества, сформировались первые политические партии, давшие импульс к созданию предпосылок правового государства. Они исходили из политического плюрализма, демократии и партийной борьбы; развивали принципы состязательного правосудия, создавали институты адвокатуры.

Таким образом, в отечественной социальной мысли присутствует различное понимание особенностей и факторов конфликтогенности российского общества. Консерваторы, радикалы и либералы анализировали политико-правовые, социокультурные и ментальные предпосылки конфликтогенности и в ряде случаев адекватно определяли предпосылки социальных конфликтов российского общества. Но при этом отечественные исследователи расходились в их оценке. Если революционеры считали конфликты необходимыми для социального прогресса и поэтому разрабатывали теорию и практику социальной революции, то консерваторы и либералы решительно осуждали революционный путь социального прогресса и защищали идеалы самодержавия или правового государства. Разумеется: идеалы коммунизма, абсолютизма и правового государства фундаментально отличались друг от друга, что и привело к трем русским революциям начала XX века.

Список литературы:

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
3. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2010.
5. Герцен А.И. Избранные философские произведения. В 2-х тт. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946.
6. Делевский Ю. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. М.: Либриком, 2011.
7. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
8. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Национальная идентичность и будущее России. Москва, февраль 2014. (URL: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf (дата обращения: 16.05.2014)).
9. Достоевский Ф.М. Политическое завещание. Сборник статей за 1861-1881. М.: Алгоритм, 2006.
10. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014.

²⁴ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 11-12.

²⁵ Социология истории Николая Кареева: межвуз. сб. / Под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского, И.Д. Осипова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 152.

11. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.
12. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.
13. Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2013.
14. Нечипоренко Л.А. Буржуазная социология конфликта. М.: Политиздат, 1982.
15. Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014.
16. Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. № 1.
17. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
18. Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: ИП РАН, 2013.
19. Путин В. Встреча с представителями непарламентских партий // Президент России. Официальный сайт. 20 ноября 2013 г. (URL: <http://www.kremlin.ru/news/19659> (дата обращения: 14.07.2014)).
20. Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. 2011. № 4.
21. Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2011.
22. Социология истории Николая Кареева: межвуз. сб. / Под ред. А.О. Бороновой, В.В. Козловского, И.Д. Осипова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.
23. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: ГПП им. Ивана Федорова, 1992.
24. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998.

References (transliteration):

1. Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literaturnaya kritika. M.: Sovremennik, 1981.
2. Alekseev N.N. Russkii narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 1998.
3. Bakunin M.A. Filosofiya. Sotsiologiya. Politika. M.: Pravda, 1989.
4. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M.: AST, 2010.
5. Gertsen A.I. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. V 2-kh tt. T. 2. M.: OGIZ, 1946.
6. Delevskii Yu. Sotsial'nye antagonizmy i klassovaya bor'ba v istorii. M.: Librikom, 2011.
7. Derlug'yan G. Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013.
8. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». Natsional'naya identichnost' i budushchee Rossii. Moskva, fevral' 2014. (URL: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf(data obrashcheniya: 16.05.2014)).
9. Dostoevskii F.M. Politicheskoe zaveshchaniye. Sbornik statei za 1861-1881. M.: Algoritm, 2006.
10. Zimmel' G. Izbrannoe. Sozertsanie zhizni. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014.
11. Kireevskii I.V. Kritika i estetika. M.: Iskustvo, 1979.
12. Magun V., Rudnev M. Zhiznennye tsennosti rossiiskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeiskimi stranami // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2008. № 1.
13. Narochnitskaya N.A. Russkii kod razvitiya. M.: Knizhnyi mir, 2013.
14. Nechiporenko L.A. Burzhuaznaya sotsiologiya konflikta. M.: Politizdat, 1982.
15. Nikonov V.A. Rossiiskaya matritsa. M.: Russkoe slovo, 2014.
16. Nisnevich Yu.A. Postsovetskaya Rossiya: dvadtsat' let spustya // Polis. 2013. № 1.
17. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale. M.: Pressa, 1991.
18. Nравstvennost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz. M.: IP RAN, 2013.
19. Putin V. Vstrecha s predstavitel'yami neparlamentskikh partii // Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait. 20 noyabrya 2013 g. (URL: <http://www.kremlin.ru/news/19659> (data obrashcheniya: 14.07.2014)).
20. Rudnev M., Magun V. Tsennostnyi konsensus i faktory tsennostnoi differentsiatsii naseleniya Rossii i drugikh evropeiskikh stran // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2011. № 4.
21. Svetlov V.A., Semenov V.A. Konfliktologiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2011
22. Sotsiologiya istorii Nikolaya Kareeva: mezhvuz. sb. / Pod red. A.O. Boronoeva, V.V. Kozlovskogo, I.D. Osipova. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2000.
23. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. SPb.: GPP im. Ivana Fedorova, 1992.
24. Chicherin B.N. Filosofiya prava. SPb.: Nauka, 1998.